

2	0063-01	МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН	"Обманите меня"	Часть 1 "Явь наших снов"
3	0063-02	МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН	"Обманите меня"	Часть 2 "Заклинание"

"Обманите меня" (Коренблит – Волошин)

Грядущему покаянию России посвящается

От собеседника

Максимилиан Волошин – свидетель самых страшных лет России, в явь которых едва ли мог поверить даже самый смелый фантаст. Ну кому могло придти в голову то, что для светлого будущего России и всего человечества необходимо убить всех, кто в это не верит или мешает верить? Кто мог даже в страшном сне увидеть уничтожающих своё прошлое и настоящее, своих матерей, отцов, братьев и сестёр ради счастья своих детей? Как мог поэт осмыслить это? Конечно это было невозможно. Он только записывал происходящее, как корреспондент с поля боя, страдая вместе с погибающими. А на вопросы, поставленные М.В. предложено ответить нам - потомкам, живущим в этом будущем, ради чего всё и происходило с этой ненасытной на страдания страной.

Как неосуществимая мечта одновременно где-то в далеких и теплых странах протекает ярко и радостно чья-то (не наша!) жизнь, в которой нам не предусмотрено место. Связующей нитью между главным героем этого альбома и нормальным миром является Любовь, прорывающаяся тонкой травиночкой сквозь толстый слой железобетона, замешанного не на воде, а на крови. Сейчас многих начала заново привлекать идея новой гражданской войны, поэтому очень вовремя напомнить ужасы предыдущей.

"Обманите меня" – просит человек, которому уже не хватает мужества реально воспринимать действительность.

"Явь наших снов" – одно дело мечтать и грезить, тогда все грешили этим: от творческих людей до государственных мужей, от мужика за сохой до рабочего у станка. Иное дело - когда кто-то начнёт претворять всеобщие заблуждения во всеобщую реальность, от которой в пору бы заснуть и не просыпаться...

"Заклинание" – кроме упования на Господа, которого сразу вспоминают, если что не так получится – тогда на кого ещё надеяться? Светлых голов-то нет: были не нужны, мешали осуществлять бред злодея, использующего всеобщую безграмотность и лень думать своей головой. Но всё же лучше поздно, чем никогда!..

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ 1 «ЯВЬ НАШИХ СНОВ»

1. Готовность	- 1.17
2. Святая Русь	- 2.37
3. Явь наших снов	- 1.16
4. Она	- 2.15
5. Париж	- 1.45
6. Гаданье по руке	- 1.26
7. Весна	- 1.02
8. Наваждения	- 1.15
9. Москва	- 1.01
10. Русь гулящая	- 2.08
11. Письмо	- 1.40
12. Портрет	- 1.55
13. Я напишу	- 1.33
14. Иудин грех	- 0.53
15. Мы	- 0.57

16. Тень Орфея	- 1.31
17. Акрополь	- 1.42
18. Вечер	- 1.39
19. Млечный Путь	- 1.29
20. Люби его	- 2.06
21. Обряд любви	- 1.15
22. Жажда муки	- 1.21
23. Демоны глухонемые	- 1.00
24. Петроград	- 1.31
25. Красноармеец	- 1.58
26. Пепел	- 1.35
27. Любить	- 1.12
28. Буду верить	- 1.37
29. Обман	- 2.06
30. Царевна	- 2.35
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 47.37</i>

Общее время звучания – 86.55

СОДЕРЖАНИЕ

1. ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде - верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: "Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя".

2. СВЯТАЯ РУСЬ

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
 Плотник-Царь построил дом широко -
 Окнами на пять земных морей?
 Из невест красой да силой бранной
 Не была ль ты самую желанной
 Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любви -
 По лесам глубоких скитов срубы,
 По степям кочевья без дорог,
 Вольные раздолья да вериги,
 Самозванцы, воры да расстриги,
 Соловьиный посвист да острог.

Быть царевой ты не захотела -
 Уж такое подвернулось дело:
 Враг шептал: развей да расточи,
 Ты отдай казну свою богатым,
 Власть - холопам, силу - супостатам,
 Смердам - честь, изменникам - ключи.

Поддалась лихому подговору,
 Отдалась разбойнику и вору,
 Подожгла посадки и хлеба,
 Разорила древнее жилище
 И пошла поруганной и нищей
 И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
 Осужу ль страстной и буйный пламень?
 В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
 След босой ноги благословляя, -
 Ты - бездомная, гулящая, хмельная,
 Во Христе юродивая Русь!

3. ЯВЬ НАШИХ СНОВ

Закрыт нам путь проверенных орбит,
 Нарушен лад молитвенного строя...
 Земным богам земные храмы строя,
 Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
 Как пчелы мы, оставшие от роя!..
 Мы беглецы, и сзади наша Троя,
 И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
 По свиткам троп, по росстаням дорог
 Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,

Пусть веет вихрь сомнений и обид, -
Явь наших снов земля не истребит!

4. ОНА

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она – забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца - Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых мадонн
На знойных улицах Севильи.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

5. ПАРИЖ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя
Все быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,

И касается пальцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В пронсящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

6. ГАДАНИЕ ПО РУКЕ

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты, как я,
Что мы в кольце одной неволи -
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи...
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

7. ВЕСНА

Как мне близок и понятен
Этот мир - зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна

Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

8. НАВАЖДЕНИЯ

На старых каштанах сияют листья,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью!

9. МОСКВА

В Москве на Красной площади
Толпа черным-черна.
Гудит от тяжелой поступи
Кремлевская стена.

На рву у места Лобного
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,
Молчат... проходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.

10. РУСЬ ГУЛЯЩАЯ

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатущий народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая - кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

А проспавшись, бьется в подклетях,

Да ревет, завернувшись в платок,
 О каких-то расстрелянных детях,
 О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
 Да вопьется, вцепившись рукой:
 "Не оставь меня смрадной и нищей,
 Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
 Погорюй по моим мертвецам,
 Не продай басурманам, не выдай
 На потеху лихим молодцам...

Вся-то жизнь в теремах под засовом...
 Уж натешились вы надо мной...
 Припаскудили пакостным словом,
 Припоганили кличкой срамной".

Разве можно такую оставить,
 Отчураться, избыть, позабыть?
 Ни молитвой ее не проплавить,
 Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
 Чтоб во всей полноте бытия
 Всенародно, всемирно, всезвездно
 Просияла правда твоя!

11. ПИСЬМО

Рассвет. Я только что вернулся.
 На веках - ночь. В ушах - слова.
 И сон в душе, как кот, свернулся...
 Письмо... От Вас?
 Едва-едва
 В неясном свете вижу почерк -
 Кривых каракуль смелый очерк.
 Зажег огонь. При свете свеч
 Глазами слышу Вашу речь.
 Вы снова здесь? О, говорите ж.
 Мне нужен самый звук речей...
 В озерах памяти моей
 Опять гудит подводный Китеж,
 И легкий шелест дальних слов
 Певуч, как гул колоколов.

12. ПОРТРЕТ

Я вся - тона жемчужной акварели,
 Я бледный стебель ландыша лесного,
 Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
 Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
 Скованы в зори ударами молота,
 В старых церквах, где полет тишины
 Полон сухим ароматом сосны, -

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
 Я шелест старины, скользящей мимо,
 Я струйки белые угаснувшей метели,
 Я бледные тона жемчужной акварели.

13. Я НАПИШУ

Концом иглы на мягком воске
 Я напишу твои черты:
 И индевеющие блески
 Твоей серебряной фаты,

И взгляд на всё разверстый внове,
 И оттененный тонко нос,
 И тонко выгнутые брови,
 И пряди змейных, тонких кос,

Извив откинутого стана,
 И нити темно-синих бус,
 Чувяки синего сафьяна
 И синий шелковый бурнус.

А сзади напишу текучий,
 Сине-зеленый, пенный вал,
 И в бирюзовом небе тучи,
 И глыбы красно-бурых скал.

14. ИУДИН ГРЕХ

С Россией кончено... На последях
 Ее мы прогалдели, проболтали,
 Пролузгали, пропили, проплевали,
 Замызгали на грязных площадях,
 Распродали на улицах: не надо ль
 Кому земли, республик, да свобод,
 Гражданских прав? И родину народ
 Сам выволок на гноище, как падаль.
 О, Господи, разверзни, расточи,
 Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
 Германцев с запада, Монгол с востока,
 Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
 Чтоб искупить смиренно и глубоко
 Иудин грех до Страшного Суда!

15. МЫ

Мы заблудились в этом свете.
 Мы в подземельях темных. Мы
 Один к другому, точно дети,

Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

16. ТЕНЬ ОРФЕЯ

Эта светлая аллея
В старом парке - по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.

Весь прозрачный - утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.

Час таинственных наитий.
Он уходит в глубь аллей,
Точно струн, касаясь нитей
Серебристых тополей.

Кто-то вздрогнул в этом мире.
Щебет птиц. Далекий ключ.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч.

Все распалось. Мы приидем
Снова в мир, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.

17. АКРОПОЛЬ

Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усеченный холм - Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжелых Пропилей,
И за горами камней,
В сетке легких синих теней,
Искры мраморных аллей.
Небо знойно и бездонно -
Веет синим огоньком.
Как струна, звенит колонна

С ионийским завитком.
 За извивами Кефиза
 Заплелись уступы гор
 В рыже-огненный узор...
 Луч заката брызнул снизу...
 Ночь взглянула мне в лицо.
 Черны ветви кипариса.
 А у ног, свернув кольцо,
 Спит театр Диониса.

18. ВЕЧЕР

В серо-сиреновом вечере
 Радостны сны мои нынче.
 В сердце сияние "Вечери"
 Леонардо да Винчи.

Между мхом и травой мохнатую
 Ключ лепечет невнятно.
 Алым трепетом пали на статую
 Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдками
 Меж ветвей, над водой наклоненных,
 Шевеля тяжелыми складками
 Шелков зеленых.

Разбирает бледные волосы
 Плакучей ивы.
 По озерам прозелень, полосы
 И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
 Многострунные сосны
 Навевают думу вечернюю
 Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
 Перепутаны алою пряжей,
 И плывут из аллей бриллиантами
 Фонари экипажей.

19. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Как Млечный Путь, любовь твоя
 Во мне мерцает влагой звездной,
 В зеркальных снах над водной бездной
 Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
 Ты горький звездный сок. А я -
 Я помутневшие края
 Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
 Что вечных звезд родная боль
 Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
 И меркнет звезд алмазный трепет
 В безбольном холоде зари.

20. ЛЮБИ ЕГО

Любовь твоя жаждет так много,
 Рыдая, прося, упрекая...
 Люби его молча и строго,
 Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым -
 Бездымно, безгрустно, безвольно.
 Люби его радостно телом,
 А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
 Лица не заслонит иного, -
 Люби его с плотью и кровью -
 Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
 Не бойся врага в иноверце...
 Люби его метко и верно -
 Люби его в самое сердце.

21. ОБРЯД ЛЮБВИ

В неверный час тебя я встретил,
 И избежать тебя не мог -
 Нас рок одним клеймом отметил,
 Одной гибели обрек.

И, не противясь древней силе,
 Что нас к одной тоске влекла,
 Покорно обнажив тела,
 Обряд любви мы совершили.

Не верил в чудо смерти жрец.
 И жертва тайны не страшилась,
 И в кровь вино не претворилось
 Во тьме кощунственных сердец.

22. ЖАЖДА МУКИ

Себя покорно предавая сжечь,
 Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
 Нам темной было суждено судьбою
 С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,

Смиряя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней - богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней - уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль - бессмертна жажда муки!

23. ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы - это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

24. ПЕТРОГРАД

Как злой шаман, гася сознание
Под бубна мерное бряцанье
И опоражнивая дух,
Распахивает дверь разрух -
И духи мерзости и блуда
Стремглав кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, -
И враг, что друг, и друг, что враг, -
Меречат и двоятся... - так,
Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града -
Те бесы шумны и быстры:

Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

25. КРАСНОАРМЕЕЦ

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.

В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре,
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.

Толпиться по коридорам
Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.

Оборотиться к собранью,
Рукою поправить ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врывать в дом.

У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.

В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь
В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о "свободах"
Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.

Палить из пулеметов:
Кто? С кем? Да не все ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...

Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой

Расстрелянным за грабеж.

26. ПЕПЕЛ

Судьба замедлила сурово
 На росстани лесных дорог...
 Я ждал и отойти не мог,
 Я шел и возвращался снова...
 Смирясь, я всё ж не принимал
 Забвенья холод неминучий
 И вместе с пылью пепел жгучий
 Любви сгоревшей собирал...
 И с болью помнил профиль бледный,
 Улыбку древних змийных губ, -
 Так сохраняет горный дуб
 До новых почек лист свой медный.

27. ЛЮБИТЬ

Любить без слез, без сожаленья,
 Любить, не веруя в возврат...
 Чтоб было каждое мгновенье
 Последним в жизни. Чтоб назад
 Нас не влекло неудержимо,
 Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
 Прошла, развеялась... И пусть
 Вечерне-радостная грусть
 Обнимет нас своим запястьем.
 Смотреть, как тают без следа
 Остатки грез, и никогда
 Не расставаться с грустным счастьем,
 И, подойдя к концу пути,
 Вздохнуть и радостно уйти.

28. БУДУ ВЕРИТЬ

Пурпурный лист на дне бассейна
 Сквозит в воде, и день погас...
 Я полюбил благоговейно
 Текучий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
 Пурпурных снов и горьких лет.
 Ты отошла в глухие дали, -
 Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
 Не разомкну условный круг.
 К земным огням слепую душу
 Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
 Твоей тоски, но не предам -
 И буду ждать, и буду верить

Тобой не сказанным словам.

29. ОБМАН

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна... -
Горе! Горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна.

В нас весенняя ночь трепетала,
Нам таинственный месяц сверкал...
Не меня ты во мне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал.

Нас палящая жажда сдружила,
В нас различное чувство слилось:
Ты кого-то другого любила,
И к другой мое сердце рвалось.

Запрокинулись головы наши,
Опьянились мы огненным сном,
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

30. ЦАРЕВНА

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предрассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Все, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким поляням полудней,

К пестроте живых людей...

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...
Ты ведь знала: я - Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.